

Живот Бай Мяня в свои шесть месяцев уже казался таким большим, будто он запрятал под одежду целый арбуз.

Он опустил голову, глядя на собственный живот, и слегка приуныл. Пупок от натяжения вывернулся наружу, став круглым и гладким, точно маленькая фасолинка.

— Жена... я не слишком сильно раздался?

Бо Цинъянь подошла ближе и остановилась у него за спиной.

Зеркало отражало их двоих: на ней были черные одежды, холодные, словно мороз, а он стоял впереди, и его округлившийся живот безобразно натянул ткань, отчего тонкая линия талии казалась еще более хрупкой и гибкой, готовой переломиться в любой момент.

За полгода беременности он полностью изменился. Щеки округлились сильнее прежнего, покрывшись здоровым румянцем, уголки глаз чуть приподнялись, а взгляд словно источал две волны весенних вод — влажный и трепещущий, наполненный робким, детским кокетством при взгляде на человека.

— Не сильно.

Бай Мянь с облегчением выдохнул, но тут же снова занервничал:

— А... а ребенок не окажется слишком крупным? Рожать будет очень больно?

— Боишься боли?

Бай Мянь немного подумал и честно кивнул:

— Боюсь...

Бо Цинъянь ничего не ответила.

Она внезапно наклонилась, просунула руки ему под колени и подхватила на руки.

Бай Мянь испуганно ахнул и инстинктивно обнял ее за шею. От нее исходил едва уловимый холодный аромат, напоминающий сосновый бор после снегопада. Прижавшись к ее груди, он ощущал силу ее рук — уверенную и дарящую абсолютное спокойствие.

— Жена?

— Отведу тебя в одно место.

Бай Мянью на мгновение замер, а затем послушно прижался к ней, спрятав лицо в углублении ее плеча. Там было тепло и пахло ею. Он потерлся щекой, точно сытый зверек.

Куда бы ни решила отвезти его жена, он был готов пойти повсюду.

Долина Ваншу.

Уединенная долина в глубине задних гор Секты Небесного Меча, куда редко ступала нога человека.

Бо Циньянь прилетела туда на мече, бережно прижимая к себе Бай Мянью.

Свет меча опустился у входа в долину, и взору открылся поразительный простор.

Перед ними расстилалось бескрайнее море цветов. Дикие цветы всех мыслимых оттенков покрывали долину, и ветер, залетая в ущелье, заставлял цветочные волны перекатываться слой за слоем, словно струящиеся разноцветные облака. Аромат цветов смешивался с запахом свежей травы, обдавая путников прохладной, росистой сладостью, которая исцеляла душу.

Бай Мянью выглянул из ее объятий и остолбенел.

С самого детства он был заперт в задних горах, со всех сторон окруженный отвесными скалами, и все, что ему позволялось видеть, — это лишь клочок неба над головой. Ему еще никогда не доводилось лицезреть подобное зрелище: столь широкое, ослепительное и не имеющее конца.

— Как красиво...

Его голос прозвучал тихо, словно он боялся спугнуть этот сон.

Бо Циньянь опустила его на землю и поддержала, помогая стоять у самого края цветочного моря. Его ладонь, совсем маленькая, утонула в ее руке, согретая ее теплом.

— Нравится?

Бай Мянью заученно закивал, а его глаза сияли ярче звезд:

— Нравится! Очень-очень нравится!

Он попытался шагнуть прямо в цветочный ковер, но едва сделал движение, как Бо Цинъянь придержала его.

— Потихоньку.

Бай Мянью опустил взгляд на свой огромный живот и высунул кончик языка. Розовый кончик мелькнул на мгновение, выдавая детское смущение. Он замедлил шаг и осторожно двинулся вперед, ступая крайне аккуратно, похожий на неуклюжего пингвина.

Бо Цинъянь шла следом, наблюдая за его неловкими и счастливыми движениями, а в глубине ее глаз мелькнула едва заметная улыбка.

Бай Мянью дошел до середины цветочного поля, остановился, раскинул руки и глубоко вдохнул. Аромат цветов ударил в нос, а ласковое солнце согревало тело.

Он обернулся к Бо Цинъянь, и уголки его глаз и губ изогнулись в счастливой улыбке:

— Жена! Как же здесь вкусно пахнут цветы!

Бо Цинъянь смотрела на него.

На то, как он стоял посреди цветочного моря, а солнечные лучи падали на него, на его круглые щеки и высоко выступающий живот. Он улыбался так искренне и беззаботно, словно ребенок, получивший заветную сладость.

Она подошла и остановилась прямо перед ним.

— Садись.

Бай Мянью послушно опустился на землю среди цветов, запрокинув голову и глядя на нее снизу вверх.

Бо Цинъянь тоже присела рядом с ним.

Протянув руку, она сорвала несколько цветков и принялась что-то мастерить.

Бай Мянью с любопытством следил за ее движениями, за тем, как ее длинные пальцы ловко переплетают стебли, соединяя цветы один за другим.

— Что делает жена?

— Венок.

Бай Мянью замер.

Венок?

Жена плетет для него венок?

Он смотрел на сосредоточенный профиль Бо Цинъянь, на ее чуть опущенные ресницы и на то, как венок в ее руках постепенно обретал форму, и от внезапного умиления у него защемило в носу.

Разве могла такая женщина, как его жена — холодная, отрешенная и чуждая всему мирскому — пойти на подобное ради него?

— Готово.

Бо Цинъянь надела сплетенный венок ему на голову.

Бай Мянью поднял руку, чтобы потрогать его, и глуповато улыбнулся.

— Красиво?

Бо Цинъянь посмотрела на него.

Юноша в венке сидел среди цветов. Его щеки пылали румянцем, глаза сияли, а губы чуть приоткрылись в детском самодовольстве. Цветы в венке оттеняли его лицо, делая его черты еще более живыми и прекрасными. Он казался прелестнее всех окружающих цветов.

— Угу.

Всего один слог, но Бай Мянью улыбнулся еще счастливее.

Бо Цинъянь снова опустила голову и продолжила плести.

На этот раз она создавала что-то совсем крошечное.

Бай Мянью подался вперед и увидел, как она скрутила маленькое колечко, украсив его крошечным цветком.

— Это...

Бо Цинъянь взяла его за левую руку и надела цветоплетное колечко на безымянный палец.

Бай Мянй оцепенел.

Он опустил глаза на кольцо из цветов, на этот крошечный бутон и на то, как Бо Цинъянь держит его руку, долго не отпуская.

— Жена...

Он поднял голову, желая что-то сказать, но встретился взглядом с Бо Цинъянь.

В этот момент ее холодные глаза смотрели прямо на него. В них таилось что-то непостижимое для него — словно глубокая-глубокая вода, спокойная на поверхности, но скрывающая под собой сильное подводное течение.

— Бай Мянй.

— М?

Бо Цинъянь ничего не ответила.

Она лишь наклонилась ближе.

Ее пряди скользнули по его щеке, оставляя едва уловимый прохладный аромат. А затем он почувствовал ее губы на своем лбу.

Невесомо.

Нежно-нежно.

Словно лепесток перышка опустился на водную гладь.

Лицо Бай Мянй вспыхнуло пунцовым. Не успел он опомниться, как Бо Цинъянь снова взяла его за руку и оставила еще один поцелуй — на том самом безымянном пальце, где красовалось цветочное кольцо.

На этот раз прикосновение длилось дольше.

Ее прохладные губы, коснувшиеся его пальца, жгли сердце не хуже раскаленного железа. Сердце Бай Мянэ забилося так бешено, будто норовило выпрыгнуть из горла, гулко стуча в ушах и вызывая звон.

— Ж-жена...

Бо Цинъянь подняла голову, глядя на его покрасневшее лицо и влажные, сияющие глаза.

Протянув руку, она притянула его к себе.

— Смотри на луну.

Прижавшись к ее груди, Бай Мянэ все еще чувствовал, как безумно колотится его сердце.

Он запрокинул голову и посмотрел на небо. Луна сегодня была круглой и огромной, висая над землей словно серебряное зеркало. Лунный свет струился на них обоих, на цветочные волны и на всю долину целиком. Каждая травинка и каждый цветок казались покрытыми серебряным налетом, а когда налетал ветер, серебро переливалось, напоминая светящиеся волны.

— Бай Мянэ.

— М?

— Я клянусь луной...

Бай Мянэ замер.

Он поднял голову и посмотрел на Бо Цинъянь.

В лунном свете ее холодные черты казались много мягче. Ее глаза были устремлены на него, и в них читалось то, чего он никогда прежде не замечал.

— Из века в век, из жизни в жизнь ты принадлежишь мне.

В носу Бай Мянэ снова защипало, и из глаз брызнули слезы.

— Жена...

— Только мне.

— Угу...

— Никто не смеет отнять тебя.

— Угу!

— И сам ты не посмеешь сбежать.

— Я не убегу! Никогда не убегу! — сквозь слезы повторял Бай Мянь, отчаянно кивая.

Бо Цинъянь опустила на него взгляд.

Юноша плакал навзрыд, его лицо было мокрым от слез, но при этом он улыбался так лучезарно, словно обрел весь мир.

— Чего ты плачешь?

Бай Мянь покачал головой, утирая слезы и улыбаясь:

— Я... я просто так счастлив...

— Плачешь от счастья?

— Угу... только от счастья...

Бо Цинъянь молча смотрела на него.

Ее большой палец мягко стер дорожки слез с его щек. Движение было предельно нежным, словно она боялась причинить ему боль.

— Будешь вечно моим бесстыдным соблазнителем.

Услышав это, Бай Мянь покраснел еще сильнее.

Опустив голову, он пробормотал тихим голосом:

— Угу... я... я буду соблазнителем только для жены, только для тебя...

Рука Бо Цинъянь на мгновение замерла.

Она смотрела на него, на его поникшую макушку и на две пылающие алые раковины ушей.

— Повтори.

Бай Мянй поднял голову и посмотрел на нее — заплаканными, припухшими, но сияющими глазами.

— Я буду соблазнителем только перед женой.

Бо Цинъянь посмотрела в это искреннее лицо, протянула руку, ухватила его за подбородок и заставила поднять голову выше.

— Знаешь, почему я называю тебя бесстыдным?

Бай Мянй растерянно моргнул и покачал головой.

— Потому что ты вот такой... — она наклонилась ближе, и ее голос прозвучал тише порыва ветра. — Заставляешь меня хотеть тебя тиранить.

Бай Мянй остолбенел.

Глядя на близкие глаза и полыхающий в них глубокий огонь, он чувствовал, как сердце колотится где-то в глотке.

— Ж-жена...

— Хочешь быть наказанным?

Лицо Бай Мянй горело огнем, но он не отвел взгляд, глядя прямо ей в глаза.

Медленно кивнул.

— Хочу.

Бо Цинъянь посмотрела на него — на того, кто так отчаянно стеснялся, но все равно продолжал кивать.

Она склонила голову и запечатлела поцелуй на его губах.

Бай Мянй закрыл глаза и обвития руками ее шею.

Ее аура окружила его со всех сторон — холодный аромат вперемешку с присущим только ей запахом. Он растворился в этом ощущении, словно тонущий человек, ухватившийся за спасительную доску, полностью веря себя ей.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Бо Цинъянь отпустила его.

Бай Мянй прижался к ее груди, тяжело дыша. Его лицо пылало сильнее прежнего, губы слегка припухли, а затуманенный взгляд казался потерянным, будто он еще не до конца вернулся из этого поцелуя.

— Жена...

— М?

— Я... я хочу рожать жене детей снова и снова.

Бо Цинъянь опустила на него взгляд.

Юноша смотрел снизу вверх сияющими, полными решимости и ожидания глазами.

— Снова и снова?

— Угу! Всегда! — кивал Бай Мянй. — Рожать много-много! Неважно, девочки или мальчики! Пока это дети жены, я хочу рожать их всех!

Бо Цинъянь посмотрела на его серьезное выражение лица и на высоко выступающий живот.

— Больше не боишься?

Бай Мянй слегка замялся, подумал и честно кивнул:

— Боюсь...

— И все равно хочешь?

Бай Мянй уткнулся лицом ей в грудь и глухо произнес:

— Но... жене нравятся дети... поэтому я хочу...

Его голос звучал так тихо, словно шуршание листвы.

Бо Цинъянь ничего не ответила.

Она лишь сильнее прижала его к себе, укутывая в свои объятия.

В ту ночь они провели среди цветочного моря еще очень долго.

Лишь когда луна склонилась к закату, Бо Цинъянь взяла на руки утомленного и уснувшего Бай Мяня и на мече вернулась в небольшой дом в долине Ваншу.

<http://bllate.org/book/22395/2350076>